Царевич Дмитрий Иванович

Во матушке во Москве стояла палатушка гарновитая,
Железом покрытая, гвоздями убитая полуженными,
Во этой палатушке стоят столики дубовые,
На них скатерти разостланы шелковые,
А стулики стоят кленовые.
За этими столиками сидят князья, бояря,
Сидят, пьют, едят, проклажаются,
Ничем царю не похвалятся.
Грозный царь Иван Васильевич сам выхваляется:
«Брал я Казань, брал я Астрахань,
А мелкие города мимоходом шел,
Не мог я вывести изменушку из города Обскаго, из-за Обскаго».
Возговорит речь Димитрий Иванович:
«Уж ты тятинька родимой мой,
Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы». —
«Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на́-имя?» —
«Тятинька, эта изменушка подле тебя сидит,
Пьитё, едитё с одной вы с ней ложечки,
Одно све́тна платьица носите».
Грозный царь распаляется,
Выбегает на красён крылец
И кричал своим громким голосом:
«Есть ли при мне слуги верные — палачи грозные?
Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:
Снесли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи,
Взоткали бы её на вострый штык,
Принесли бы её пред очи, очи царския».
Догадался тут старшой боярин Иван Романыч,
Выбегал на красен крылец
И кричит своим громким голосом:
«Есть ли при мне слуги верные?
Седлали бы мне ретива́ коня».
Едет Иван Романыч по матушке по Москве
И кричит громким голосом своим:
«Есть ли таковы люди — царски семена заменить,

Себе царства небеснаго получить?»
Выискался детинушка — калашный сын:
«Хочу царски семена заменить,
Хочу царства небеснаго себе получить».
Повели жа его на место лобное — на кровавое,
И снесли ему буйну́ голову по самые могучи плечи,
И взоткнули ее на вострый штык,
И принесли её перед очи, очи царския.
Не мог он вытерпеть, его ударило.
Приказал в большой колокол звонить
По всей матушке каменной Москве,
Всем боярам в черном платье итти Богу молиться:
«Погасла у меня воску ярова свеча,
Не стала у меня Димитрия Иваныча!»
Нарядился в светна платьица Иван Романыч —
Распаляется на него грозный царь Иван Васильич:
«Али ты царю — мне насмехаешься,
Али ты не знаешь, что в жи́ве царевича не стало?
Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
Отсекли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи
И взоткнули бы ее на вострый штык,
И принесли бы ее перед очи, очи царския». —
«Батюшка грозный царь Иван Васильевич!
Дай ты мне Богу помолитися,
Дай ты Святых Тайн причаститися!»
Поехал старшой боярин Иван Романыч,
Везет он к царю Димитрия царевича.
Увидал грозный царь Иван Васильич
С старши́м боярином Димитрия царевича.
Возго́ворит царь Иван Васильевич
Старшо́му боярину Ивану Романычу:
«Старшо́й боярин Иван Романыч!
Умел ты царски семена блюсти,
Чем мне тебя дарить и жаловать?
Али селами, аль деревнями, али красными подселками?» —
«Не дари меня ни селами, ни деревнями,
Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурляткиным».
Старшо́й боярин Иван Романович
Схватил Малютычьку Скурляткина:

«Малютычька Скурляткин сын,
Не за свой ты кус хватаешся,
Скоро этим кусом ты подавишся».

Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29.